

По жалобам о нарушении статьи 3 Конвенции

Вопрос о запрещении унижающего достоинство обращения

По делу обжалуются условия проживания в социальном приюте для лиц с психическими отклонениями. По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

Станев против Болгарии
[Stanev v. Bulgaria] (№ 36760/06)

Постановление от 17 января 2012 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. выше изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте пункта 1 статьи 6 Конвенции.)

По жалобам о нарушении статьи 5 Конвенции

По жалобам о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции

Вопрос о правомерности лишения свободы

Вопрос о соблюдении порядка, предусмотренного законом

По делу обжалуется законность помещения в социальный приют для лиц с психическими отклонениями. По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции.

Станев против Болгарии
[Stanev v. Bulgaria] (№ 36760/06)

Постановление от 17 января 2012 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. ниже изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте пункта 1 статьи 6 Конвенции.)

По жалобам о нарушении пункта 4 статьи 5 Конвенции

Вопрос о соблюдении права

на рассмотрение судом правомерности заключения под стражу

По делу обжалуется отсутствие средств правовой защиты для обжалования помещения в социальный приют для лиц с психическими отклонениями. По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции.

Станев против Болгарии
[Stanev v. Bulgaria] (№ 36760/06)

Постановление от 17 января 2012 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. ниже изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте пункта 1 статьи 6 Конвенции.)

По жалобам о нарушении статьи 6 Конвенции

По жалобам о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции (гражданско-правовой аспект)

Вопрос о соблюдении права на доступ к суду

По делу обжалуется отсутствие прямого доступа к суду лица, требующего восстановления его дееспособности. По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

Станев против Болгарии

[Stanev v. Bulgaria] (№ 36760/06)

Постановление от 17 января 2012 г. [вынесено Большой Палатой]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

В 2000 году по требованию двух родственников заявителя суд признал его частично недееспособным на том основании, что он болел шизофренией. В 2002 году заявитель был против его воли передан под попечительство и помещен в социальный приют для лиц с психическими расстройствами около села в отдаленной горной местности. После официальных посещений 2003 и 2004 годов Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) заключил, что условия в приюте могли считаться бесчеловечным и унижающим достоинство обращением. В 2004 и 2005 годах заявитель через своего адвоката просил прокурора и мэра возбудить разбирательство по поводу прекращения попечительства, но его требования были отклонены. Его попечитель также отказался возбудить такое разбирательство, полагая, что социальный приют являлся наиболее подходящим местом для заявителя ввиду отсутствия у последнего средств для самостоятельного проживания. В 2006 году по инициативе адвоката заявитель был осмотрен независимым психиатром, который заключил, что диагноз «шизофрения» являлся неточным, но заявитель склонен к злоупотреблению спиртными напитками, и симптомы двух этих состояний могут быть перепутаны, что он способен к реинтеграции в общество, и его пребывание в социальном приюте вредно для его здоровья.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции. (а) Вопрос о применимости положения Конвенции. Ответственность за помещение заявителя в социальный приют несли национальные власти, поскольку оно являлось следствием ряда мер, принятых публичными органами и учреждениями в лице должностных лиц с момента ходатайства о помещении в приют и в рамках исполнения данной меры. Заявитель был помещен в корпус, который мог покидать, но время, проведенное вне его, и места, которые он мог посещать, всегда были предметом контроля и ограничений. Данная система отпусков и тот факт, что администрация удерживала удостоверение личности заявителя, вводили значительные ограничения его личной свободы. Хотя заявитель мог совершать определенные прогулки, он находился под постоянным надзором и не мог покидать приют без разрешения и по своему желанию. Государство-ответчик не доказало, что состояние здоровья заявителя представляло непосредственную угрозу для него или требовало применения особых ограничений для его защиты. Срок пребывания заявителя в приюте не был ограничен и являлся неопределенным, поскольку он числился в муниципальных реестрах как постоянно проживающий в приюте, где он по-прежнему находился, проведя там больше восьми лет. Соответственно, он должен был ощущать отрицательные последствия ограничений в полном объеме. Его мнением о помещении в приют не интересовались, и он не давал согласия на него. Национальное законодательство придавало определенное значение пожеланиям заявителя, и он, по-видимому, признавал эту ситуацию. По крайней мере с 2004 года заявитель прямо выражал желание покинуть социальный приют как при контактах с психиатрами, так и в обращениях к властям по поводу восстановления его дееспособности. Европейский Суд не убежден в том, что заявитель согласился на проживание в приюте или дал на него согласие по умолчанию. Ввиду причастности болгарских властей к решению о помещении заявителя в приют, правил об отпуске из приюта, длительности пребывания там и отсутствия согласия заявителя рассматриваемая ситуация составляла лишение свободы, и пункт 1 статьи 5 Конвенции является применимым.

(b) *Существо жалобы.* Решение о помещении заявителя в социальный приют для лиц с психическими отклонениями в отсутствие его предварительного согласия в соответствии с болгарским законодательством являлось недействительным. Данный вывод сам по себе позволял Европейскому Суду установить, что лишение заявителя

свободы противоречило статье 5 Конвенции. В любом случае эта мера не была законной в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку ни одно из исключений, предусмотренных указанной статьей, не являлось применимым, включая подпункт «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции – о заключении под стражу «душевнобольных». В настоящем деле заключение медицинской экспертизы, представленное в ходе разбирательства по поводу признания заявителя недееспособным, ссылалось на расстройства, которыми страдал заявитель. Однако с момента психиатрической экспертизы, на которую ссылались власти, до помещения заявителя в приют прошло более двух лет, в течение которых его попечитель не проверял, имеются ли изменения в его состоянии, не встречался и не консультировался с ним. Этот период был избыточным, и медицинское заключение, проведенное в 2000 году, не могло считаться достоверно отражающим психическое состояние заявителя в момент его помещения в приют (в 2002 году). Следует отметить, что национальные власти не имели правовой обязанности назначения психиатрической экспертизы в момент его помещения в приют. Отсутствие недавнего медицинского обследования достаточно для заключения о том, что помещение заявителя в приют не являлось законным. Кроме того, не было установлено, что заявитель представлял угрозу для себя или других лиц. Европейский Суд также отметил недостатки в оценке того, сохранялись ли расстройства, требующие содержания заявителя в приюте. Хотя он находился под наблюдением психиатра, цель такого наблюдения заключалась не в оценке через регулярные интервалы того, нуждается ли заявитель в содержании в социальном приюте в контексте подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Применимое законодательство не предусматривало такой оценки. Помещение заявителя в приют не было назначено «в порядке, предусмотренном законом», и не было оправдано подпунктом «е» или любым другим из подпунктов «а»–«f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 4 статьи 5 Конвенции. Государство-ответчик не указало какое-либо внутреннее средство правовой защиты, способное предоставить заявителю возможность оспаривания законности его помещения в социальный приют и продолжения применения этой меры. Болгарские суды не участвовали в решении вопроса о помещении в приют, и национальное законодательство не предусматривало автоматического периодического пересмотра вопроса о содержании в приюте для лиц с психическими отклонениями. Поскольку помещение заявителя в приют в соответствии с болгарским законодательством не признавалось лишением свободы, то отсутствовало положение о внутренних средствах правовой защиты, с помощью которых можно было бы обжаловать его законность как лишения свободы. Действительность решения о помещении могла быть оспорена по мотиву отсутствия согласия только по инициативе попечителя.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 5 статьи 5 Конвенции. Не утверждалось, что заявитель мог воспользоваться правом на компенсацию за незаконное лишение свободы до постановления Европейского Суда по настоящему делу или сможет сделать это впоследствии.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 3 Конвенции. Статья 3 Конвенции запрещает бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с любым лицом, находящимся под контролем властей, независимо от того, идет ли речь о содержании под стражей в период уголовного разбирательства или помещении в учреждение с целью защиты жизни или здоровья заинтересованного лица. Питание в социальном приюте было недостаточным и неудовлетворительным по качеству. Здание неадекватно отапливалось, и зимой заявитель был вынужден спать в пальто. Он мог принимать душ раз в неделю в негигиеничной и обветшалой душевой. Туалеты находились в отвратительном состоянии, и согласно выводам ЕКПП их посещение было опасным. Наконец, приют не возвращал одежду тем же лицам после стирки, что могло вызвать у проживающих чувство неполноценности. Заявитель содержался в вышеупомянутых условиях в течение значительного времени – примерно семь лет (с 2002 по 2009 год, когда здание, в котором он проживал, было отремонтировано). После посещения приюта ЕКПП заключил, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, условия проживания там могли рассматриваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Будучи уведомленными об этом выводе, в 2002–2009 годах болгарские власти не исполнили обязанность закрыть это учреждение. Отсутствие финансовых ресурсов, на которое ссылалось государство-ответчик, не являлось

значимым доводом, оправдывающим содержания заявителя в вышеизложенных условиях.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции. В соответствии с национальным законодательством помещение заявителя в социальный приют не рассматривалось как содержание под стражей. Таким образом, он не имел права на компенсацию на основании Закона об ответственности государства за причинение ущерба 1988 года в связи с неудовлетворительными условиями проживания. Кроме того, отсутствовали судебные прецеденты признания этого закона применимым к утверждениям о неудовлетворительных условиях содержания в социальных приютах. Даже если предположить, что заявитель мог добиться восстановления своей дееспособности и выезда из приюта, ему не была бы присуждена компенсация за содержание в унижающих достоинство условиях.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Заявитель не мог обратиться по вопросу о восстановлении его дееспособности иначе как через попечителя или одного из лиц, перечисленных в статье 277 Гражданского процессуального кодекса. Национальное законодательство не различало полностью и частично недееспособных лиц и не предусматривало возможности периодического пересмотра вопроса о сохранении оснований для помещения лица под попечительство. Более того, в деле заявителя данная мера не была ограничена во времени. Несмотря на то, что право доступа к судам не является абсолютным, и ограничение процессуальных прав лица может быть оправдано, даже если лицо лишь частично лишается дееспособности, право просить суд о пересмотре решения о признании недееспособным является одним из важнейших прав для заинтересованного лица. Отсюда следует, что такие лица должны в принципе пользоваться правом прямого доступа к судам в этой сфере. Однако государство сохраняет свободу определения порядка реализации прямого доступа. Вместе с тем не является несовместимым со статьей 6 Конвенции установление национальным законодательством определенных ограничений доступа к суду в этой сфере с единственной целью – исключение перегрузки судов избыточными и явно необоснованными жалобами. Тем не менее представляется ясным, что данная проблема могла быть решена иными, менее ограничительными средствами, чем автоматический отказ в прямом доступе, например, путем ограничения периодичности подачи таких жалоб или введения системы предварительной оценки их приемлемости по материалам дела. Кроме того, на европейском уровне отмечается тенденция допустимости наделения недееспособных лиц правом на прямой доступ к судам с целью восстановления их прав. Международные акты о защите лиц с психическими отклонениями также придают растущее значение наделению их правовой автономией по мере возможности. Пункт 1 статьи 6 Конвенции должен толковаться как гарантирующий в принципе, что любое лицо, признанное частично недееспособным, как в деле заявителя, имеет прямой доступ к суду для восстановления его дееспособности. Прямой доступ такого рода не был гарантирован применимым болгарским законодательством с достаточной степенью определенности.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

В порядке применения статьи 46 Конвенции. Для устранения последствий нарушения прав заявителя власти должны удостовериться в том, что он желает оставаться в социальном приюте. Настоящее постановление не может рассматриваться как препятствие для продолжения его пребывания в данном или любом ином приюте для лиц с психическими отклонениями, если будет установлено, что он на это согласен. Однако если заявитель не согласится с таким пребыванием, власти должны безотлагательно пересмотреть его ситуацию с учетом выводов настоящего постановления. Что касается вывода о нарушении требований пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием прямого доступа к суду лица, признанного частично недееспособным и желающего восстановить дееспособность, Европейский Суд рекомендовал государству-ответчику предусмотреть необходимые общие меры для обеспечения эффективной возможности подобного доступа.

КОМПЕНСАЦИЯ

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

По жалобам о нарушении статьи 13 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на эффективное средство правовой защиты

По делу обжалуется отсутствие средств правовой защиты для получения компенсации за неудовлетворительные условия проживания в социальном приюте для лиц с психическими отклонениями. По делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции.

Станев против Болгарии
[Stanev v. Bulgaria] (№ 36760/06)

Постановление от 17 января 2012 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. выше изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте пункта 1 статьи 6 Конвенции.)

В порядке применения статьи 46 Конвенции

Вопрос о принятии Европейским Судом мер общего характера

Государство-ответчик обязано принять меры общего характера для обеспечения эффективного доступа к суду лиц, требующих восстановления дееспособности.

Станев против Болгарии
[Stanev v. Bulgaria] (№ 36760/06)

Постановление от 17 января 2012 г. [вынесено Большой Палатой]

(См. выше изложение обстоятельств данного дела, жалоба по которому была рассмотрена в контексте пункта 1 статьи 6 Конвенции.)